

НИКИТА ВИССАРИОНОВИЧ ШЕБАЛИН

Из теоретического курса эпиграфики, прослушанного у Никиты Виссарионовича в 1987 г., у меня осталось твердое убеждение, что нужно сомневаться во всем, и еще — нелюбовь ко II–III вв. н. э., потому что Н. В. сказал, что это самое пошлое время, время римских гарнизонов в Причерноморье. Наверное, многие прослушали курс эпиграфики у Н. В., но, может быть, не многим довелось применить эти знания на практике, стоя рядом с ним в одном раскопе. Мне посчастливилось в том же 1987 г., в июле, попасть на Березань в составе эрмитажной экспедиции Ярослава Витальевича Даманского. Нас с мужем поставили работать на отвале старого раскопа, мы нагружали тачку, а потом Миша бежал с ней к обрыву и сбрасывал содержимое в море. Как всякие дилетанты и новички, мы очень старались. Через неделю приехал Н. В., и его почему-то тоже поставили в наш раскоп. Очень скоро он подошел к нам и сказал: «Ребята, не торопитесь, не торопитесь». Сам он не торопился и часто находил интересные вещи: то обломок фарфоровой турецкой трубки, то железный наконечник, то черепок чернолаковой керамики с рисунком. Рассматривая очередную находку, он держал ее на ладони и перебирал пальцами как-то особенно мягко и деликатно. Помню, его появление на раскопе поразило меня, вид его был почти торжественный: белоснежная футболка, черные брюки, черные ботинки и белая шапочка; народ же вокруг был либо в отрепьях, либо почти без ничего. В тот момент в Н. В. удивительным образом сочетались английская невозмутимость с трогательной неприкаянностью ленинградских шефнеровских чудаков и нарядной опрятностью крымских караимов. Впрочем, впоследствии я поняла, что его аристократизм был самодостаточен и не нуждался в специальных внешних атрибутах. Потертый свитер, заношенный коричневый плащ и неизменная авоська, скорее, подчеркивали изящество своего хозяина.

Надо сказать, что в то советское время имя Никиты Шебалина было своеобразным паролем, лучшей рекомендацией в определен-

ном кругу людей. Помню, как-то в компании археологов, искусствоведов и физиков меня представили: «Она учится у Шебалина».

В нем не было ни грамма пафоса и административного рвения, потому что его деликатность и мягкая интеллигентность были *κατὰ φύσιν* и этому противоречили. Не мог он ни на кого и «надавить». Тогда же на Березани произошел такой случай: молодой человек из киевской экспедиции откопал *орла* и повесил его себе на шею. За столом Никита заметил это и глазами показал Виноградову. Юрий Германович попросил у молодого человека вещь посмотреть и вернул. Потом они кусали локти, посылали к юноше для переговоров Элисон, искусную даму, дрожали, как бы он не выбросил из вредности предмет в море, но сказать: «Верни то, что ты украл», — никто не смог, хотя на раскопках существует железное правило, что бы ты ни нашел, сдавать в общий котел. Скоро молодой человек исчез с острова ночью вместе с находкой, видимо, сговорившись с рыбаками.

Если вернуться к нашим университетским занятиям с Н. В., а мы с ним в 1987–1988 гг. читали еще и Геродота, то самое первое занятие я хорошо помню. Он знакомился с нами и, по ходу дела, этимологизировал наши фамилии. Потом ему надоело и он стал говорить о себе. Его фамилия Шебалин, неясной этимологии, по-видимому, все же восходит к диалектному сибирскому *шебала*, значение которого не совсем понятно. И вот у Даля нахожу: *шебала* — шутил. «голова», *шебалишить* — «болтать», «засыпать словами»; и другое: *шебольничать* — «бить шабалу», «баклушить».

Кстати, там же на Березани пришлось сдать и экзамен по Геродоту: Юрий Германович за обедом спросил меня, как у Геродота погречески *чеснок*.

Те занятия вспоминаются как счастливейшее время. Это была группа, в которой училась Оля Бударагина, иногда к нам на занятия приходила Катя Корзакова (впоследствии Хава Броха). О чем Н. В. нам только не рассказывал: о Чевакинском, о Кикиных палатах, о Добужинском... Конечно, мы слушали настоящие доклады о *Слове о полку Игореве*. К сожалению, я была совсем не готова к тому, чтобы по-настоящему их воспринять — и даже впоследствии, когда слушала его доклад в Пушкинском Доме, — поэтому помню лишь, как он критиковал Лихачёва и как сравнивал место, где появлению

войска предшествует темное облако пыли, гудит земля и только потом уже становится виден блеск доспехов, с описанием похожей картины у Ксенофонта в *Анабасисе* I, 8, 8–9. Он посвящал нас в тонкости споров по поводу так называемого кубка Нестора. Н. В. любил архаику, а архаические львы на львиной террасе острова Делос были, по его словам, ее олицетворением. В Эрмитаже он был как у себя дома. Показывал, как нужно играть в коттаб. Он любил парки, сетовал, что у греков не было вкуса к описанию пейзажа. Как-то подарил книгу об Уманском парке XVIII в. в Софиевке, принадлежавшем графу Феликсу Потоцкому (недалеко от Одессы). Говорил, что это как наш Петергоф, только лучше: там были и Критский лабиринт, и Львиный грот, и Долина Гигантов, и многое другое.

Н. В. любил всякие парадоксы, загадки, гномы в духе Феогида. Гномический аорист я по-настоящему осознала благодаря его примеру «кто смел, тот и съел». Мог спросить: как звали собаку в *Барышне-крестьянке*? Где был греческий рынок в Петербурге? А вы любите *Музыку на воде* Генделя?

Как-то он позвонил и спросил, почему Васильевский остров называется Васильевским? Это было 4 октября 1994: «Я вчера слушал передачу по радио, говорили какую-то чушь о каком-то Василии чуть ли не Теркине, который был при Петре, и будто бы в честь его... Но ты как классик должна понять, что значит Васильевский». Мне ничего не оставалось, как сказать *царский*. Никита обрадовался: «Елки-палки, лес густой. Давай скооперируемся и приподнесем это Юрию Владимировичу. Я помню, что в романе Толстого, нашего Алексея Толстого, Екатерина, жена Петра, называется Васильевской». Он проверял свою идею, думаю, не только на мне: «Там же — *басилеус*, значит “царский”, ведь есть же Царское село, почему не быть и Царскому острову?»

Все знают, что на службу и обратно к Чернышеву мосту он ходил пешком. Я жила на Пестеля рядом с домом Оливье. Иногда случалось до Фонтанки идти вместе. Как и многим своим спутникам, он показывал свои находки и любимые места. «Мы напрасно восхищаемся Зимним, его пропорции искажены, а колонны пузаты из-за того, что поднялся культурный слой». На Мильонной в одном из дворов он показал фронтоны с барельефом: лошадь и жеребенок. «У Греческого рынка колонны стоят не перпендикулярно к земле, а

слегка под углом». «Лучший памятник Петра — Растрелли Старшего, где Петр в доспехах Александра Македонского».

Он знал себе цену. На клочке бумаги в своем испещренном заметками экземпляре КБН рядом с записью какой-то озарившей его догадки он приписал: «Никита не жир, Никита — мозг».

К Александру Иосифовичу Н. В. относился с нежностью. Говорил о нем *Зайчик*. Ольга Ивановна рассказывала, что Н. В. спросил ее, что подарить Александру Иосифовичу на защиту (речь идет о кандидатской). Она в шутку сказала: «Собаку». И Н. В. принес плюшевого щенка Кузю. Этот плюшевый щенок Кузя до сих пор жив (сейчас ему сорок лет). Он долгое время жил в доме, был членом семьи и иногда дарил дочери Александра Иосифовича Варе шоколадки, а теперь он живет на даче. Ольга Ивановна говорит: «Да у нас весь дом в его подарках, вот кусок античной плиты, видимо, пола с отпечатком собачьей лапы, вот медальон с совой... Он был очень хороший, оригинальный человек. Александр Иосифович очень его любил».

Н. В. любил проказничать. Однажды все в том же 1987 г. я невольно стала свидетелем развязки одной из его, видимо, юношеских шалостей. Я рассеянно рассматривала книги в маленьком букинисте, когда разразился скандал, какая-то дама возмущалась, что у нее не принимают на комиссию книгу — библиотечный штамп был затерт до дыр и заклеен, но все же просматривался. Она с негодованием выкрикивала имя Шебалина, который, по ее словам, и тут ей досадил (она выражалась крепче) и требовала за книгу 20 рублей. Когда она отошла от окошка, я предложила ей все, что у меня было. Дама взяла и растворилась, а у меня в руках осталось «Житие святейшего патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем Клириком», печатано в Санктпетербурге при Императорской Академии Наук в 1817 году». На книге была дарственная надпись, подписанная «Кит (с ятем)». Начинается житие так: «В лето от мироздания 7113, от воплощения Господня 1605 в мае месяце, в пределах Нижняго Новаграда... родися сей Святейший Никон Патриарх от простых, но от благочестивых родителей, и наречено имя ему Никита, по имени Преподобного Никиты Переяславскаго Чудотворца, его же святая церковь память прославляет Маия в 24 день». Дальше шло описание несчастливого детства Никиты с мачехой, вещее предсказание татаринном его избранности и т. д.

Н. В. был моим оппонентом на защите диплома и незадолго до защиты подарил мне две книжки. Он снял их с книжной полки: сначала *Винни Пуха*, а потом, спрятав за спиной двух новеньких оранжевых тойбнеров, спросил, в какой руке. Так у меня оказался еврипидовский *Циклоп*.

В 1990–1992 гг. я училась уже в другой группе, Н. В. читал с нами *Жизнеописание Солона* Плутарха и затем архаическую элегию. Возможно, он уже плохо себя чувствовал, может быть, группа не вдохновляла, да и время было не самое веселое — талонное (помню, одна из моих однокурсниц на занятиях в *катакомбах* постоянно грызла мел и нам советовала). Недавно Е. Ю. Басаргина напомнила мне, что тогда в университете нам выдали пайки, кажется, натовские, преподавателям — офицерские, а студентам — солдатские. Там был пащтет, какие-то бруски с концентратами и, кажется, мыло, чтобы мы, перестраиваясь, не забывали о гигиене. Той искрометности, что так вдохновляла нас на чтениях Геродота, я не помню, помню его уставшим и скорее печальным, к шуткам примешивалась нередко горечь. Замечу, что шутки его всегда были деликатны, без злословия.

И все же, читая элегию, я всякий раз вспоминаю Н. В. «Ἐανθός, это какого цвета»? «Это цвета пчелы», — говорил он. Или спрашивал нас, как мы считаем, не связано ли как-то слово *δυσμενής* с *душинами*. Когда читали Солонское *γηράσκω δ' αἰεὶ πολλὰ διδασκόμενος* (fr. 18 West), смысл не давался «я старею, постоянно многому научаясь/ многое узнавая, я старею». Н. В. дал нужную интонацию: «Хотя и старею, а продолжаю многое узнавать». Он тогда сказал, что любит это у Солона.

После тиртеевского: «О, как прекрасно славному мужу умереть...», — посмеиваясь, он сказал: «А здесь можно было бы поставить точку».

Когда, читая знаменитую элегию Ксенофана о пире, мы дошли до 8-го стиха, где стоит *ψυχρὸν ὕδωρ*, он изложил нам свои взгляды по поводу стихов Феогнида 261–266, где невеста во время свадьбы, по мнению преобладающей части интерпретаторов, постоянно бежит к колодцу за холодной водой, так что неудачливый поэт, которому пришлось уступить ее богатому, хотя и безродному сопернику, приспособился там у колодца срывать ее поцелуи.

Потом, когда я уже сама читала со студентами раннегреческую элегию, я нашла его статью «Феогнид, 261–266» в сборнике *Античность и современность*: К 80-летию Ф. А. Петровского за 1972 год, стр. 229–235 (с его благодарностью А. И. Доватуру, в чьем семинаре эта статья родилась).

Ильф и Петров, которых так любил Н. В., умерли бы от зависти, если бы им довелось прочесть эту статью Н. В. о холодной воде. Представляю, как сам он потирал руки, когда работал над ней. Чувствуется его сдержанная манера, я бы сказала, элегантная. Чтобы напомнить интонацию голоса Н. В., приведу несколько цитат, где он излагает толкования своих предшественников, которые, как он пишет, «вынуждены опираться, в основном, на здравый смысл или действовать в меру своей фантазии, потому что конкретно опереться почти не на что» (с. 230):

О прочтении Ховальда: «...девушка изменила поэту, он мстит: ее родители — любители холодной воды, за которой посылают дочку, поэт подстерегает ее у источника и пугает своим поцелуем» (с. 230).

Аллена: «...поэт, вернувшись из изгнания, узнает, что в доме его любимой поселился соперник, завладевший винным погребом; а девушку и ее родителей он заставил перейти на питье холодной воды; девушка ходит за водой, там они встречаются, и она жалуется на жизнь» (с. 230).

«Дорнзайф смягчает версию Аллена: “...соперник просто бережлив, поэтому они и пьют меньше вина”» (с. 231).

«Несколько неясное объяснение дает Катавделла: “девушку выдают за нелюбимого; она ходит к источнику и там видится с любимым; благодаря ему ее родители пьют свежую воду, и сам он пьет не вино, а воду...” ...такая трактовка косвенно превращает стихотворение в рассуждение о пользе свежей воды, чуть не о преимуществе вразумительности», — пишет Н. В. (с. 231–232).

Чтение Левисона Н. В. мягко называет «таинственным»: «...родители соперника хотят пить холодный напиток. Ради этого они часто посылают девушку к источнику, поэт украдкой целует ее по дороге...». «Добавим <...> непонятно поведение соперника, толкающего девушку в объятия любимого и пытающегося завоевать ее

расположение тем, что он то и дело гонит ее за холодной водой» (с. 232).

Наконец, интерпретация ван Гронингена, по словам Н. В., «необычайно утрирует обстановку: дочь все ходит и ходит по воду, те (родители. — *Е. Е.*) бесконечно нагружаются водой, и конца этому не видно» (с. 233).

Предлагая свою интерпретацию и строгие научные выкладки в пользу того, что ψυχρόν здесь не значит «холодная вода», Н. В. в своей манере заканчивает доказательство фразой гномического характера, достойной авторов *Золотого теленка*: «...умыться можно только водой, потому Геродот и опускает существительное; а пить можно все, что угодно, поэтому при глаголе “пить”, если уже есть прилагательное, то требуется и существительное» (с. 234).

Н. В. понимает здесь ψυχρόν адвербиально как «хладнокровно» и предлагает видеть сценку, в которой нет походов к колодцу: «поэт находится на свадьбе знатной девушки, выходящей за другого, много менее знатного. Он не пьет вина (т. е. не может пить), потому что возле нее находится ей неровня. Родители ее хладнокровно пьют» (с. 234). «...Невеста возится с гидрией, зачерпывает воду, занимается изготовлением вина». Возможно, она «подносит вино гостям, обходя всех...», когда она «оказывается около поэта <...> тот, срывая злость, целует ее» (с. 235). Дальше я слышу голос Н. В., объясняющего, почему «столь лихой жест на свадьбе» был возможен: «Да никому до нее нет дела, все пьяны», и он добавлял: «Не исключая жениха».

Эта короткая научная статья Н. В. могла бы звучать как сколий во время застолья в кругу его друзей, доставляя им радость εὐφροσύνη и интеллектуальное наслаждение. В этом, по-моему, и был весь Н. В., общение с которым было радостью, чистой, как ψυχρόν ἕδωρ, и терпкой, оставляющей долгое послевкусие, как хорошее вино.